

Соч.: Возвращение: стихи, песни, воспоминания. Л., 1990; Петербургский роман: избранные стих. Л., 1989; Поколение обреченных. Мюнхен, 1972; У микрофона Александр Галич: Избранные тексты и записи. ФРГ; США, 1990; Соч.: в 2 т.: Книга песен. Вторая книга. М., 1999.

Лит.: Заклинание добра и зла: Александр Галич — о его творчестве, жизни и судьбе рассказывают статьи, воспоминания друзей и современников, а также истории и стихи, которые сочинил он сам. М., 1991; Карабчиевский Ю. И вихорцы, и эски: Заметки о песнях Александра Галича // Нева. 1991. № 1; Аннинский Л. Барды. М., 1999. Новиков В. Авторская песня. М., 1997. Расседин Ст. Я выбираю свободу. М., 1990; Каменский З. А. А. Галич. М., 1995. Поденко С. «Эрика» берет четыре копии: Возвращение А. Галича // Вопр. лит-ры. 1989. № 4

Н. Н. Кякшто

ГАЛКОВСКИЙ Дмитрий Евгеньевич (псевдонимы Никифор Совков, Одинокоев, Друг Утят) [4.6.1960, Москва] — прозаик.

Отец воевал; после безуспешных попыток стать офицером, певцом, актером, поэтом служил инженерно-техническим работником. Мать — рабочая. Среди предков с обеих сторон были православные священники. Детство Г., по его словам, было «стандартно-советское»: детский сад, пионерские лагеря, увлечение книгами, в основном науч. фантасти-

Д. Е. Галковский

кой. После окончания московской немецкой спецшколы (1977) получил комсомольскую путевку на ЗИЛ (хотя комсомольцем не был), где 3 года проработал рабочим. Затем поступил на философский ф-т МГУ; специализировался на кафедре истории зарубежной философии (студенческая науч. работа была посвящена анализу мотивов смерти и самоубийства в творчестве Платона); окончил ун-т в 1986. С 1980 по 1990 жил случайными заработками (отец умер в 1977). Короткое время работал редактором в ж. «Наш современник» (1990), преподавателем лит-ры в театральном лицее.

Писать начал с 19 лет. Первая публикация в «Комсомольской правде» (1989, 8 февр.) вышла, по признанию Г., комом: «Там мне доверили написать небольшую заметку о Розанове. Заметку отредактировали... снабдив шизофреническим заголовком: „О русском философе замолвите слово“. Я, как посмотрел, говорю...: „Свою фамилию я под этой опереттой ставить не хочу“... — „Вы тут, молодой человек, не ломайтесь, у нас государственная организация“. — „Ну, подпишите «Совков»“. Так и подписали... Идти получать гонорар за это безобразие я отказался» (**Событие** // Разбитый компас. 1997. № 3. С. 7).

Широкую известность принес Г. философский роман **«Бесконечный тупик»**, посвященный истории русской культуры XIX–XX вв. и судьбе русской личности. С конца 1980-х текст романа распространялся в самиздате. С 1990 начался «бум Галковского»: фрагменты «Бесконечного тупика» публиковались более чем в 20 периодических изданиях разных идеологических предпочтений — от «Москвы» (1990. № 12) и «Нашего современника» (1992. № 1–2) до «Нового мира» (1992. № 9, 11). В статье, предвещающей публикацию в «Нашем современнике», В. Кожин отмечал «поистине головокружительное бесстрашие мысли», «героический порыв к воскрешению чудовищно подавлявшейся и уничтожавшейся в течение жизни трех поколений отечественной мысли... — во всей ее силе и остроте», что осуществилось в его книге, истинный писательский дар и превосходное знание истории — «знание самое широкое и в то же время детальное, можно сказать, интимное» (Кожин В.— С. 125–128).

В марте 1997 Г. издал роман за свой счет тиражом 500 экземпляров, указав на титуле: «Самиздат». В 1998 вышло 2-е изд.

В предисл. Г. поясняет: «Моя книга на самом деле называется „Примечания к «Бесконечному тупику»“ и состоит из 949 „примечаний“ к небольшому первоначальному тек-

ту. Ввиду того, что „основной текст“ не имеет самостоятельного значения, он вынесен мною за рамки настоящего издания. (Интересующиеся читатели могут его прочесть в 81-м номере журнала „Континент“ за 1995 г.)».

Роман отличает усложненная структура: большинство «примечаний» являются комментариями к др. «примечаниям» и т. д. Каждое «примечание» представляет собой отдельное размышление по определенному вопросу и облекается в соответствующую форму — от афоризма, острой реплики, краткой заметки до развернутой статьи. Тематика «примечаний» охватывает почти все сферы русской культуры и истории XIX–XX вв. и неуклонно работает на единый замысел книги: показать пути и беспутья, приведшие Россию к катастрофе 1917 и как следствие — к трагическому финалу русского XX в.: «Мы, как сказал... Розанов, не можем вырваться из-под власти национального рока. Национальность это и есть „бесконечный тупик“. Мучительность Розанова в его абсолютной национальности, а следовательно — в безмерности. Либо его опыт для вас объективен и тогда возможен формальный, но бессодержательный анализ, либо он субъективен и тогда платой за содержание будет самовыворачивание...» (1.— Здесь и далее в скобках указан номер «примечания», из которых составлен корпус романа).

Такую «плату за содержание» отдает и сам автор, сделав основным объектом беспощадного исследования самого себя. Повествование ведется от лица героя, являющегося alter ego автора — Одинокова. По сути книга близка к жанру исповеди.

В финале помещены вымышленные рецензии на книгу — от глумливо развязных до глубоко содержательных. Некто «Дитрих фон Халькофски» (созвучие с фамилией Г. очевидно) пишет: «Сверхзадача автора „Бесконечного тупика“ — это создание внутреннего комфорта, гармонии. Одинокоев живет в мире разорванной истории, в мире оплывших и сгнивших сказок. Мифологическая структура современной России разбита почти до основания. Как адаптировать опыт гибели 60 миллионов соотечественников, как осмыслить себя звеном в протянувшейся через тысячелетие цепи фактов, событий, людей? Прямой контакт разрушителен, он приводит не к гармонии, а к деформации личности. Но не менее пагубна и потеря исторической памяти. <...> Сущность книги Одинокова — это мучительный эксперимент, поставленный на себе,— эксперимент контакта с собственным архетипом. Цель его — созда-

ние новой, восточнохристианской личности, а следовательно, восточнохристианской цивилизации».

Г.— мыслитель бескомпромиссный, сильный и резкий, обладающий бесспорным худож. даром. «Бесконечный тупик» значителен и по замыслу, и по охвату материала, по выбору насущных тем, по глубине и смелости их осмысления (способной подчас шокировать). В. Курбатов замечал: «Нет, эту книгу не минешь. Это „эксперимент над собою“ совершенно русский, из самых наших недр. Мальчики Достоевского, для кого смысл жизни дороже самой жизни, не с Достоевского начались и не на нем кончились. У Одинокова хорошая генеалогия...» (Курбатов В.— С. 237).

Роман можно сопоставить с «Дневником писателя» Ф. Достоевского, «Опавшими листьями» В. Розанова (которого автор считает своим духовным отцом), а из западных образцов — с «Опытами» Монтеня. «Бесконечный тупик» привлекает читателя непривычной свободой суждений. Так, о чертах национального характера автор пишет: «При истерическом, импульсивном характере русского труда мы навряд ли догоним западные страны по уровню жизни... Никогда не превзойдем мы Запад и по уровню научных исследований... Однако в области литературы и искусства Россия может стать великой державой. А что касается областей культурной жизни, наиболее связанных с имитацией, издевательством, комедиантством и вообще развлечением, то тут наша страна весь мир задавит, только волю дайте...» (643). Г. рассуждает о философии и личности Вл. Соловьева, давшего мощный заряд Серебряному веку: «Чертик Соловьева еще и в том, что он „черт нерусский“. В „Чтениях о богочеловечестве“ Соловьев пишет: „В канонической книге «Притчей Соломоновых» мы встречаем развитие идеи Софии под... названием Хохма“. Собственно, софиологию Соловьева следовало бы назвать хохмологией, так как к Софии в православном значении этого слова его учение имеет мало отношения. Конечно, для человека, соединяющего христианские таинства с „либэртэ, эгалитэ, фратернитэ“, нет ничего невозможного...» (492).

Размышления Г. об отечественной классике оказались близки мыслям В. Розанова из «Апокалипсиса нашего времени» (1919) о том, что «Россию убила литература» (подвергшая во второй половине XIX в. осмеянию все основы русской жизни): «Не есть ли сама тяга к писательству — признак незрелости русского общества, его вечной детскости, не-

способности контакта с собственным прошлым? Ключ к прошлому был не у историков — у писателей. После Карамзина писатели стали давать материал историкам, тогда как нормально было бы обратное» (915).

Публикации фрагментов романа вызвали бурную полемику в прессе: автора обвиняли попеременно в русофобии и антисемитизме, в невежестве и провокационности и т. д., однако без попыток вникнуть в суть книги. Вот несколько отрывков из периодики начала 1990-х: «Галковский, несомненно, самый отчаянный из птенцов, вылупившихся в кожиновском гнезде. На все готов (Г. познакомился с Кожинным в 30 лет, когда книга уже несколько лет как была написана.— Л. К.)... Галковский выговаривает то, что не каждый идеолог „Памяти“ решится сказать вслух... Все „опустить“ и среди месива недожизни воздвигнуть Россию: форпост западной культуры. Что-то вроде Англии, возвышавшейся над грязным океаном...» (Московские новости. 1993. 8 авг.); «Если бы даже была возможность прочитать книгу Галковского целиком, не стал бы этого делать: настолько она аморальна, лжива и грязна... в нашу литературу... пришел литературный погромщик... идеолог антимира... Галковский превзошел даже самых лютых русофобов — из числа сионистов. Не сомневаюсь, что и он из них...» (Русский вестник. 1992. № 21).

Между тем смысл книги в ином: автор снимает глянец с мумифицированных лиц и мифологизированных событий, чтобы добраться до сути явлений, повливающих на ход русской истории. Главная мысль романа в том, что Россия как исторически сложившееся государство после катастрофы 1917 была уничтожена; в дальнейшем это было лишь задекорированное под Россию совершенно иное гос. образование, где обживались «первые люди», не имеющие исторической памяти (запечатленные, например, А. Платоновым в «Чевенгуре»).

В. Кожин советует внимательнее вчитаться в роман: «Да, в этом сочинении чуть ли не все стороны русского бытия и сознания подвергаются самому нелепецприятному, а нередко и совершенно беспощадному суду... Но если... спокойнее взглянуть в сочинение Дмитрия Галковского, выяснится... что в „Бесконечном тупике“ воплотилась... не „критика“ России, а „самокритика“, „самоосуждение“, — в конце концов то, что называется покаянием. <...> Автор исходит из понимания исторической связи русских и евреев, взаимосвязи, обусловленной, так сказать, и качественно (то есть внутренней природой

этих этносов), и количественно» (Наш современник. 1992. № 1. С. 126–127).

В 1991–93 Г. тесно сотрудничал с «Независимой газ.», возглавляемой в те годы В. Третьяковым. Его статьи подчас буквально взвинчивали лит.-общественную атмосферу. В частности, в «**Письме Михаилу Шемякину**» Г. заявлял: «Шестидесятники были крепкими ребятами, забивавшими железными копытами всех и вся. Шестидесятники прошли по головам... малочисленных старших братьев и отцов, сожрали и изгадили золотой запас природы, капитал будущих поколений: выкачали нефть, извели леса, понастроили сотни бездарных и глупых городов, пустили в космическую трубу труд последнего поколения русского крестьянства. И все это сопровождалось... инфразвуковым ревом демагогии и словоблудия: чтением бездарных (а хоть бы и талантливых) стихов на стадионах, захватом творческих союзов... „хитрой политикой“ по отношению к партийным хаммам... И наконец... бессодержательная нравственная позиция» (Независимая газ. 1991. 12 нояб.). Не меньшей резкостью отличались статьи Г. «**Андерграунд**» («Андерграунд — это подонки. Нечто не живущее на дне, но на дно опустившееся. Наиболее простой пример андерграунда...— мезальянс, наркомания, психическое заболевание». Независимая газ. 1991. 26–27 нояб.); «**Разбитый компас указывает путь...**» (о философской науке: «Мысль, лишенная религиозных оков, летит и залетает далеко, а искупление в том, что... по закону кругового движения неизбежно возвращается к Богу... Но советская философия — это безмозглая курица. Она вообще не летает». Независимая газ. 1993. 23–24 апр.); «**Стучкины дети**» (о деятельности руководящей верхушки СССР, РФ, СНГ и ее итоге: «Что же касается самой номенклатуры, то что же — нажрались до отвала, напились крови, награбили, вырастили и воспитали гаденышей, чтобы было кому дело передать, и решили пустить денежки в оборот, а страну разделить по фамилиям. Это называется свержение советской власти». Независимая газ. 1993. 9 июня).

Скандальные работы Г. породили множество контрстатей с именитыми подписями. Выпускники философского ф-та МГУ 1950-х опубликовали в «Независимой газ.» письмо под названием «**Лабиринты бесконечного тупика**. О г-не Г., то бишь Галковском, и „НГ“». Печатать или не печатать?» (1993. 3 июля). Во вступительной заметке главный редактор оправдывался: «Галковский по типу своего литературного поведения есть некий Феликс Круль или

Хулио Хуренито... то есть провокатор. Но провокатор блестящий, столь необходимый нашему скучному времени...» Отношения с «Независимой газ.» Г. прервал, объявив, что уходит из официальной лит-ры в самиздат. Все свои статьи из «Независимой газ.» и отклики на них он напечатал в первом номере авторского ж. «Разбитый компас», который выпускал в 1996–97 (вышло 3 выпуска). В. Курицын так охарактеризовал первый номер: «...журнал, выпущенный... тиражом в сто экземпляров — это „Бодался теленок с дубом“... Галковский, разумеется, писатель великолепный. Вытянуть такой последовательно погромный проект — на это мало органики, хочется увидеть здесь изощренную маскарадную операцию. Позицию сумрачного Кандида: посмотрел, обнаружил, что всё вокруг — дрянь, и простодушно об этом сообщил. Все знают, что так говорить нельзя, что шестидесятники и коммунисты — не злодеи, а дети своего времени... А тут человек шпарит без контекста, и получается у него так увесисто, и фразы он составляет так увлекательно, что рот откроешь...» (Курицын В. Поднад глыбами).

В 1997 Г. за роман «Бесконечный тупик» была присуждена премия «Антибукер», учрежденная «Независимой газ.». От премии Г. отказался, мотивируя свое решение: «Присуждавшие мне премию, как это явствует из преамбулы... совершенно искренне считают „Бесконечный тупик“ безнравственным, „скандальным“ произведением. Я считаю подобную точку зрения чудовищной. Этический смысл моей книги заключается в мучительной попытке восстановления естественных духовных ценностей, до неузнаваемости искаженных или просто подмененных за годы советского робства. <...>

В современных условиях вся эта игра в премии и „железки“ есть не что иное, как обслуживание очередного заказа властей предрержащих <...> Позиция подавляющего большинства газет и журналов служит выражением заранее проплаченных мнений партийных и финансовых главарей» (Независимая газ. 1998. 14 янв.).

Сразу же после этого события Г. поместил на «Виртуальном сервере Дмитрия Галковского» свой «Манифест нового русского самиздата» (17 янв.; перепечатан: Лит. Россия. 1998. 13 февр.), основная мысль которого: «...вся независимая пресса безоговорочно и оптом перешла на сторону властей. <...> В этих условиях русской интеллигенции остается лишь одно: уйти и начать ЗАНОВО создание действительно независимой прессы. <...> Конечной целью электронного самизда-

та является создание дееспособной интеллектуальной оппозиции как необходимого элемента восстановления исторической русской государственности».

Книга Г. «**Уткоречь. Антология советской поэзии**» (Псков, 2002), составленная Г. из образцов идеологизированного стихотворчества 1920–60-х (которое он сравнивает с «утиной» речью героев романа Д. Оруэлла «1984») явилась своеобразным дополнением к «Бесконечному тупику» как иллюстрация «искаженных ценностей». В послесловии к «Уткоречи» В. Курбатов пишет: «Странное, горькое, беспросветное надгробие... сложил Дмитрий Галковский своему отцу из его любимой, бережно собираемой библиотеки — из его гордости и счастья, из лучшего чтения, из святой отцовской веры... Кажется, дело в том, что страницы вырваны не только из контекста книги, они вырваны из контекста жизни. Тогда эти книги... жились, теперь они читаются... И в них сразу стало душно...»

Сценарий фильма «**Друг утят**» (Новый мир. 2002. № 8) написан по заказу актера и реж. В. Меньшова, который, наряду с др. известными лицами, является и сценарным персонажем. Это произведение в жанре антиутопии, забавное и страшноватое, о будущем обществе добровольной дезинформации: в мире давно нет никаких идеологических систем, существует лишь единый информационный поток, который фильтруют несколько международных агентств гиперпрограммирования по установленным заказчиком критериям.

Своего рода «каталогом событий» вокруг «Бесконечного тупика» можно назвать и книгу Г. «**Пропаганда**» (2002) — сб. его статей, интервью, фельетонов и выступлений 1990–98. Г. также опубликовал полемическую статью «**Восемьдесят лет вместе. О книге Александра Солженицына „Двести лет вместе“**» (День лит-ры. 2001. № 11), дал ряд интервью (Лит. газ. 2001. 30 нояб.; Книжное обозрение. 2002. 17 июня; День лит-ры. 2004. № 7).

Книга «**Магнит**» (Псков, 2004) является продолжением сб. статей «Пропаганда»: в ней собраны авторские публикации за 2001–04, дополненные двумя философскими работами, написанными в середине 1990-х, — «**Русская политика и русская философия**», «**Русская война и русский мир**».

Соч.: Русская политика и русская философия // Иное: сб. М., 1995; Бесконечный тупик. М., 1997; 2-е изд. М., 1998; Пропаганда: сб. статей. Псков, 2002; Ут-

коречь: Антология советской поэзии / сост., предисл. Д. Е. Галковского, послесл. В. Я. Курбатова. Псков, 2002; Друг утят: сценарий // Новый мир. 2002. № 8; Пушкинка к пушинке // Лит. газ. 2002. № 38. 24 сент.; По сеньке и шапка // Независимая газ. 2002. № 216. 10 окт.

Лит.: Кожин В. Жизнь в слове // Наш современник. 1992. № 1; Руднев В. Философия русского лит. языка в «Бесконечном тупике» Д. Е. Галковского // Логос. М., 1993. № 4; Курицын В. По-над глыбами // Независимая газ. 1996. 25 июля; Касаткина Т. Лит-ра после конца времен // Новый мир. 2000. № 6; Кублановский Ю. В советском поэтическом зоопарке // Новый мир. 2002. № 7; Василевский А. Попутные соображения // Новый мир. 2002. № 7; Шевелев И. Пелевин под псевдонимом // Время — Московские новости. 2002. № 1003. 31 авг.; Золотоносов М. «Правда» и «ложь» как сорт пива // Московские новости. 2002. № 37. 28 сент.; Олегов А. Куда ни кинь — всюду клин // День лит-ры. 2002. № 10. 18 окт.; Губайловский В. Сетевая игра «G+» и сценарий Д. Галковского «Друг утят» // Новый мир. 2002. № 11; Курбатов В. Я. Небо Аустерлица // Курбатов В. Я. Перед вечером, или Жизнь на полях. Псков, 2003; Кузнецова А. Общее место эпохи // Знамя. 2003. № 1.

Л. С. Калужная

ГАМПЕР Галина Сергеевна [6.11.1938, Ленинград] — поэт, переводчик.

Родилась в семье студентов, в дальнейшем науч. работников (физика, биология). Отец погиб в Великую Отечественную войну (1943). Окончила ЛГУ (филол. ф-т, 1969). Публиковала (с 1952) стихи в пионерской газ. «Ленинские искры». Первая значительная публикация — поэма «**Мичурин входит в сад**» (Ленинские искры. 1955. 17 нояб.).

Первый сб. стихов — «**Крыши**» (1965). «У Гали Гампер был полиомиелит, — писал в предисловии М. Дудин. — Она ни разу не ходила по зеленой траве босиком. Но в комнате поселилась... поэзия. И она научила добрую душу воспринимать радость мира и научила, может быть, самой высшей радости человека — умению делиться с людьми певучим словом души...» Небольшая (всего в 60 страниц) книжка вызвала широкий резонанс. На нее откликнулись писателями А. Твардовский, К. Чуковский, С. Наровчатов, Е. Винокуров. Краткие рецензии появились в том же году в «Новом мире» (№ 9), «Звезде» (№ 12). Характерно, что два рецензента — Н. Дмитриева в столичном ж. «Смена» (1965. № 17. С. 30) и Н. Стороженко в «Ленинградской правде» (1965. 6 июля) вынесли в заголовок одну и ту же строку Г., обращенную к тем, кто имеет счастье шагать по земле:

Г. С. Гампер

«Улыбнитесь, шагните еще...» Критика отмечала лаконизм поэзии Г., ее искренность и чистоту, незаурядную силу характера. Обращали на себя внимание широта кругозора молодой поэтессы, ее органичная включенность в мир общечеловеческой культуры (стих. «**Читая Шекспира**», «**У картины Пикассо**», «**Встреча и прощание с Андерсеном**»). При всем том сб. «Крыши» был еще во многом ученическим, стих его — несовершенным, неустоявшимся (рифмы «обложки — горлышки», «пригорок — вздорный», «парк — зоопарк» и т. д.).

Значительным шагом вперед стали следующие сб. Г. — «**Точка касания**» (1970), «**Крыло**» (1977). В поэзию Г. пришли подлинная глубина мысли и чувства, отчетливость формулировок, подчас драматически парадоксальных: «Пройдут и ненависть и страсть. / Пройдут веселье и усталость. / Пройдут и нищенство, и власть. / Пройдут и молодость, и старость. / Ни в тьме ночей, ни в свете дней / Нет утешения страшней». Или — о поэзии, о творческом озарении: «В моих привычных непогодах / Сверкнет на несколько минут — / И снова долгий тяжкий отдых / За этот неве-